Антон Мазуров

ДВОЕ В СТАРОМ ДОМЕ

Скромное обаяние Бернардо Бертолуччи

«Плененные» Бернардо Бертолуччи. Кадр из фильма.

Независимая газета. 1999 – 24 июля, – с. 7

МОСКОВСКИЙ кинофестиваль десятилетия длил традицию «зияющего конкурса». Внеконкурсная программа всегда была несравнимо привлекательнее. Но и она до этого года чаще походила на неухоженную клумбу, где растет все подряд: и цветок, и сорняк, и поганый гриб.

С появлением среди организаторов и отборщиков XXI фестиваля Петра Шепотинника внеконкурсная панорама приобрела и актуальность, и концептуальность. «8/5 фильмов», представленных в авторской программе молодого, уважаемого, незакосневшего, живо интересующегося кинематографом профессионала заслуживают наибольшего внимания и зрителей, и киноведов. Среди картин имена всемирно известные намеренно сведены по воле авторского вкуса Шепотинника с именами молодых режиссеров, знакомыми пока только изощренной публике, фланирующей по земному шарику с фестиваля на фестиваль.

Старший маэстро в программе – итальянский гигант Бернардо Бертолуччи, последняя картина которого «Пленённые», вышедшая в Италии в этом году, но законченная еще в прошлом, к радости изголодавшейся киноманской публики, была представлена под номером один.

Фильм планировался как телевизионный часовой проект, но пьеса для двух актеров превратилась в кино, длительность которого для режиссера рекордно коротка (полтора часа). Бертолуччи после «Последнего танго в Париже» и «Ускользающей красоты» вновь предпочел драматическую любовную историю. Ее простота, событийный минимализм и лаконизм диалогов заставляют задуматься о желании автора двигаться в сторону «изобретения кино» с некой, уже пройденной им невидимой точки. О чем он сам настойчиво говорил во всех интервью на фестивале в Сан-Себастьяне, где картина и была впервые представлена urbi et orbi: «Я люблю истоки кино, когда еще не было синтаксиса, не было грамматики. Монтажные переходы... Сегодня особенно интересно спросить себя, а что такое кино?... Мне интересны те режиссеры, которые сегодня пытаются заново изобрести кино».

Если попытка «изобретения кино» «по Бертолуччи» – его новый фильм, то это творение собирается из тех элементов, которые только подтверждают свой статус «вечных». Другой автор из программы Шепотинника Леос Каракс, начинавший картиной с идеологическим названием «Парень встречает девушку», а в этом году после восьмилетнего перерыва снявший фильм «Пола Х», несомненно, имеет дело с той же постоянной составляющей. В ней драматически сливаются в единое целое душевные сферы двух людей: мужчины и женщины.

Эта прозрачная сияющая сфера в виде аквариума с двумя рыбками многократно отыграна в фильме великого итальянца. У Бертолуччи в картине тоже всего лишь дуэт. Он – англичанин с фантазийной фамилией Кински. Она – африканская беженка с певучим именем Шандурай.

Британец Дэвид Тьюлис – болезненный гомосексуалист Поль Верлен из «Полного затмения» Агнешки Холланд и мужественный пленник Востока в картине Жан-Жака Анно «Семь лет в Тибете», появляющийся на мгновения и в «Большом Лебовски» братьев Коэнов, – на этот раз эксцентричный, талантливый пианист и композитор, унаследовавший римский дом своей тетушки и живущий среди потемневших античных статуй, пыльных средневековых гобеленов и пожелтевших картин. Как рыбка в сферический аквариум, в это пространство с остановившимся временем попадает темнокожая героиня актрисы Тэнди Ньютон (родилась в Замбии). Сыгравшая рабыню, возлюбленную будущего президента Североамериканских штатов в фильме Джеймса Айвори «Джеффферсон в Париже», Тэнди вновь в услужении у господина. Волшебный дом – музыкальная шкатулка, где живет Кински, – требует ежедневной уборки. Музыкант-анахорет безумно влюбляется...

Впрочем, несмотря на постоянное присутствие в кадре лишь двух персонажей, в этой мелодраме незримо ощущается присутствие третьего. Он появляется в прологе, снятом в эстетике документальных фильмов Джакопетти времен «Прощай, Африка». Муж Шандурай, посаженный в тюрьму в неизвестной африканской стране, – постоянная боль девушки, физически выраженная всем ее телом в моменты одиночества.

Бертолуччи, как всегда, нашел удивительное визуальное решение картины, снятой достаточно молодым итальянским оператором Фабио Кьянчетти. Клиповое мерцание ускользающих кадров – дань уважения новым компьютерным технологиям, за которыми художник видит большое будущее, мгновенные переходы на субъективное зрение Шандурай, сюрреалистические сны девушки, где проникающий в ее сердце композитор предстает в облике африканского диктатора, похитившего ее мужа. Интересная с первого кадра картина затягивает в себя без остатка, заставляя зрителя ощущать внутренний ритм фильма, где, как в композициях Кински, сливаются африканское пение, мотивы Колтрейна и Рэя Кудера, шумы европейского мегаполиса и удары влюбленного сердца. ■